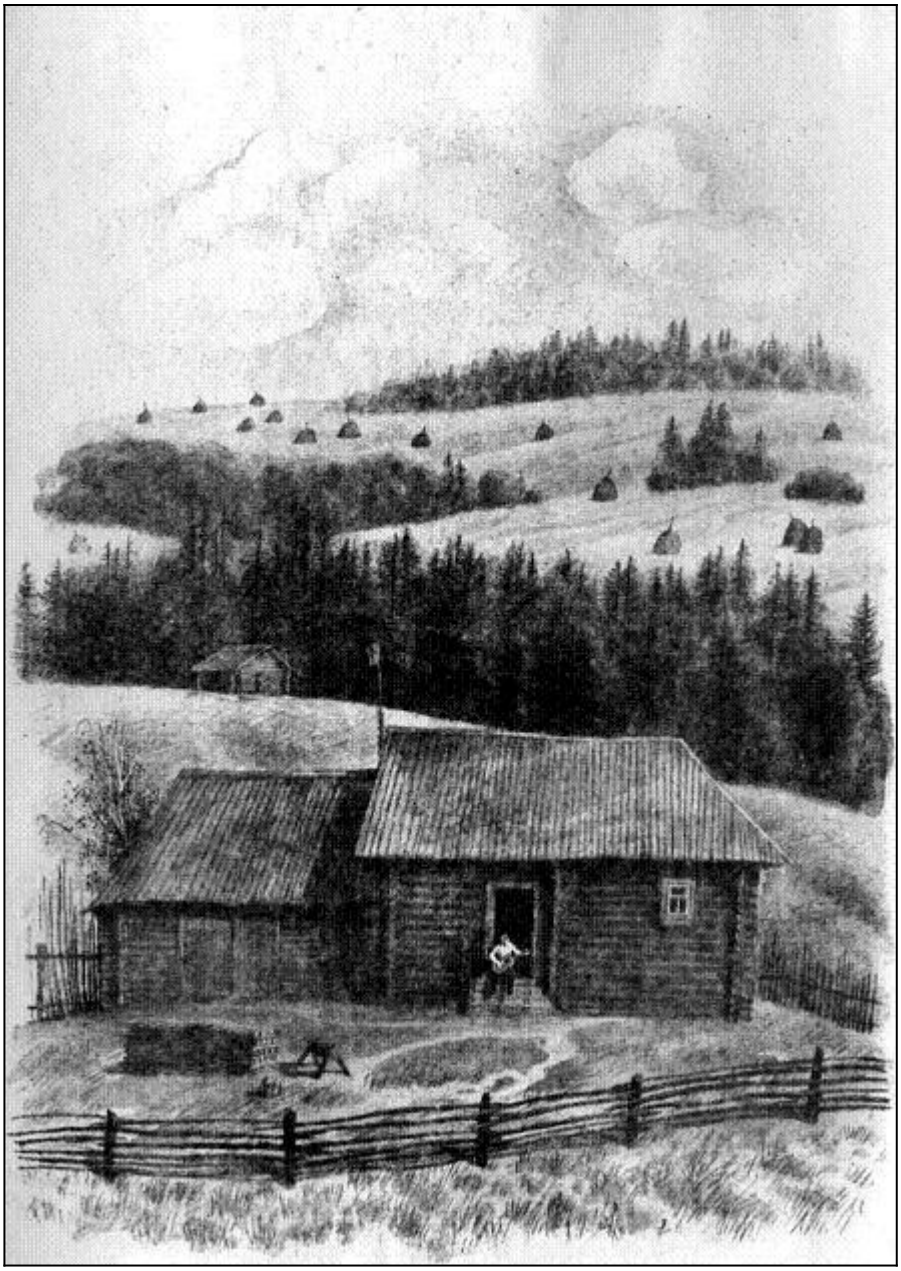

К утру иногда затихнет, но к вечеру снова расходится и свистит, шастает по деревьям, швыряется листьями надоедливый листобой.

Берёзки на опушке давно уж сдались ему; без листьев сразу стали они сиротливыми, растерянно стоят в пожухлой траве.

А осины совсем омертвели. Вытянув крючья веток, они ловят чужие листья, как будто никогда не имели своих.

Я поднял осиновый лист. Обожжённый бабьим летом, лист горел, как неведомая раковина. Огненный в центре, он угасал к краям, оканчивался траурной каймой.

В глубине леса нашёл я клёны. Защищённые ёлками, неторопливо, с достоинством роняли они листья.

Один за другим я рассматривал битые кленовые листья — багряные с охристыми разводами, лимонные с кровяными прожилками, кирпичные с крапом, рассеянным чётко, как у божьей коровки.

Клён — единственное дерево, из листьев которого составляют букеты. Прихотливые, звёздчатые, они ещё и разукрасились таким фантастическим рисунком, какого никогда не придумает человек.

Рисунок на листьях клёна — след бесконечных летних восходов и закатов. Я давно замечаю: если лето бывало дождливым, малосолнечным, осенний кленовый лист не такой молодец.